

На правах рукописи

Жданова Галина Дмитриевна

**Политические репрессии
на Алтае в 1919–1938 гг.:
историко-статистический анализ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Барнаул - 2010

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Алтайского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Разгон Виктор Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Звягин Сергей Павлович
кандидат исторических наук, доцент
Кладова Нина Васильевна

Ведущая организация: Томский государственный университет

Защита состоится « 16 » апреля 2010 г. в 10.00 часов на заседании объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, ауд. 416 (зал заседаний ученого совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Автореферат разослан « 13 » апреля 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В последние десятилетия репрессивная политика советского государства находилась в центре общественного и исследовательского внимания, что было обусловлено коренными преобразованиями в стране на рубеже 1980-1990-х гг., которые привели к ликвидации советской власти и началу трансформации общественного строя. Росту внимания к теме массовых политических репрессий 1920-1930-х гг. способствовали также, с одной стороны, процессы реабилитации жертв репрессий, а с другой – открытие и введение в научный оборот многих ранее засекреченных архивных материалов. Отход от коммунистической идеологии и марксистской методологии в науке позволил начать более всестороннее изучение и осмысление репрессий как одного из системообразующих факторов советского политического строя. Самое серьезное и многостороннее изучение истории репрессий вызвано необходимостью не только понимания их причин, методов и последствий, но и для преодоления сохраняющихся в современной политической культуре и общественном сознании определенных тоталитарных тенденций.

Репрессивная политика советского государства в разные периоды была направлена против определенных категорий и групп населения, что обуславливалось внутривнутриполитическими и социально-экономическими факторами, а также международной ситуацией. Поэтому исследование механизма выбора жертв на различных этапах репрессивной политики советского государства занимают особое место в изучении истории массовых репрессий. И если в целом объекты репрессивной политики государства можно проследить по законодательно-нормативным актам и оперативным приказам ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД за 1920-1930-е гг., то конкретная их реализация на региональном уровне остается малоизученной. В связи с этим актуальным является исследование проведения государственной репрессивной политики в регионах страны, включающее выявление механизмов ее реализации на местах, установление региональных особенностей в определении целевых групп жертв репрессивной политики, решение вопроса о том, насколько реальные жертвы репрессий совпадали с декларируемыми.

Степень изученности темы. В отечественной историографии политических репрессий в СССР можно выделить три периода: советский (1920-е-первая половина 1980-х гг.), перестроечный (вторая половина 1980-х гг.) и постсоветский (1991-2000-е гг.), которые различаются, прежде всего, концептуальными подходами.

В советской литературе в соответствии с действующими идеологическими установками репрессии по политическим мотивам оценивались с позиций классового подхода и рассматривались преимущественно в контексте классовой борьбы, обосновывался тезис о необходимости проведения государством карательной политики. Среди публикаций 1920–1930-х гг., в которых репрессии рассматривались, преж-

де всего, с позиций следственной практики ВЧК и судебных органов по политическим делам, можно назвать работы М.Я. Лациса¹, А.А. Герцензона², а также работы основоположников советского уголовного права – А.Я. Вышинского и Н.В. Крыленко³, содержащих описание советского права и судебной системы, обоснование классового их характера.

В конце 1960-х – 1970-х гг. советская историография пополняется рядом работ, посвященных теме классовой борьбы в советской деревне в 1930-е гг. в связи с процессами коллективизации и «раскулачивания»⁴. В этот период появляются подобные работы и на материалах Сибири. Исследования Л.И. Боженко и Н.Я. Гущина⁵ содержат большое количество фактического материала о реализации репрессивной политики советского государства в отношении крестьянства. Вместе с тем, для исследований этого периода характерны идеологически обусловленные оценки и выводы. С одной стороны, они осуждали репрессии против «врагов народа», к которым относили, прежде всего, видных государственных и партийных работников. С другой стороны – репрессии в отношении представителей «остатков эксплуататорских классов» и деятелей оппозиционных партий признавались вполне закономерными и обоснованными.

С середины 1980-х гг. интерес к теме массовых политических репрессий со стороны отечественных исследователей вновь значительно возрастает. Характерной чертой историографии проблемы этого периода является пересмотр господствовавших до этого мнений, взглядов и оценок в отношении репрессивной политики сталинского руководства, социальной направленности массовых репрессий. Например, Ю.С. Хван отмечал, что если репрессии конца 1920-х – начала 1930-х гг. были направлены против остатков кулачества, нэпманов, старой интеллигенции, то «начиная с декабря 1934 г. они, расширяясь, втягивали в свой круговорот и другие социальные слои. Наконец в середине и во второй половине 30-х годов они обрушились на партийный и советский аппарат»⁶.

¹ Лацис М.Я. Организационный отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. М., 1922.

² Герцензон А.А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 29-33.

³ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927; Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судопроизводства). М., 1923; он же: Формы классовой борьбы на данном этапе. М., 1933.

⁴ Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968; Ивнинский Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932). М., 1972.

⁵ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовой борьбы в Сибирской деревне (1919–1927 гг.). Томск, 1969; Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в Сибирской деревне (1926–1933). Новосибирск, 1972.

⁶ Хван Ю.С. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. Тринадцать бесед / Под ред. В.С. Лельчука. М., 1989. С. 290.

Известные публицисты А.А. Гордон и Э.В. Клопов, исследуя вопросы предпосылок и репрессивных механизмов сталинизма, подчеркивают «безличность, надындивидуальный характер» репрессий, которые «наносились преимущественно по более образованным, политически и профессионально более развитым слоям города»¹.

1990–2000-е гг. стали новым этапом в развитии историографии темы, в центре работ ряда отечественных и зарубежных исследователей оказались вопросы места советской истории и сталинского социализма в общем контексте исторического развития страны. Одно из направлений новейшей отечественной историографии рассматривает возникший в России после 1917 г. общественный строй как специфическую модель развития, призванную осуществить индустриальный рывок в условиях доминирования аграрного сектора производства и обострения международной обстановки². Другим направлением стала социальная история, призывающая заменить историю «сверху» историей «снизу»³. Советская общественная система характеризуется социальными историками не как тоталитарная или социалистическая разновидности, а в качестве советской цивилизации, правопреемницы и носительницы традиций российской культуры дореволюционного времени⁴.

Репрессии в отношении крестьянства в период «раскулачивания» и коллективизации занимают в современной отечественной историографии отдельную страницу и представлены целым рядом исследовательских работ. В работах И.Е. Зеленина сплошная коллективизация рассматривается как одно из самых трагических событий отечественной истории после Октября 1917 г., имевшее самые пагубные последствия для крестьянства и сельского хозяйства страны⁵. Одна из последних работ новосибирского историка С.А. Красильникова посвящена процессу «социалистического раскрестьянивания» в форме высылки сотен

¹ Гордон А.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и истоках того, что случилось в 30–40-е гг. М., 1989. С. 175.

² См., например: Шубин А.В. Правящая элита и общество (К проблеме исследования тоталитарных режимов в Восточной Европе // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. М., 1995; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых цивилизаций. М., 1998.

³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». 1927–1941. М., 1998; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Фишпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

⁴ Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 7, 9.

⁵ Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник (1933-й – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 35–55; он же: Кульминация «большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 2004. № 1. С. 175–180; он же: Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

тысяч крестьянских семей на спецпоселение в комендатуры ГУЛАГа¹. Автор на основе опубликованных и архивных документов реконструирует механизм и этапы осуществления государственной репрессивной антикрестьянской политики в Западно-Сибирском регионе на протяжении 1930-х годов.

В 1990-х гг. в России публикуется ряд исследований зарубежных авторов по истории репрессий, написанных значительно ранее. В ряду подобных исследований следует назвать, прежде всего, работы Р. Конквеста, Р. Такера, Ю. Хаски². В этих работах много внимания уделяется как в целом теме «большого террора» 1937-1938 гг., так и проблеме основных целевых групп репрессированных. По мнению П. Холквиста, например, насилие со стороны Советского государства использовалось как «инструмент создания идеализированного образа более совершенного и чистого общества»³.

Работы немецких исследователей М. Юнге и Р. Биннера посвящены «большому террору». Как утверждают авторы, «лишь с выходом приказа № 00447 (и национальных приказов) террор 1937–1938 годов перешел на качественно новый уровень и стал Большим Террором»⁴. Приказ преследовал цель планомерной очистки общества от «социально чуждых» или «чуждых системе» для осуществления социалистического общества сталинского типа⁵.

Исследовательские усилия историков в последние два десятилетия были направлены на рассмотрение предпосылок возникновения сталинизма, анализ причин втягивания общества в ситуацию тотального террора, выяснение его масштабов, особенностей различных репрессивных акций, проводившихся в 1930-е годы. В работах Р.А. Медведева, Ю.Н. Жукова, В.А. Куманева, О.В. Хлевнюка⁶ и других авторов содержится весьма значительный фактический материал, позволяющий авторам на документальной основе изучать причины и предпосылки репрессивной политики государства. О.В. Хлевнюк приходит к выводу, что репрессии не носили выборочный характер, не были направлены против каких-то определенных социальных групп, а захватили все общество. Ю.Н. Жуков рассматривает вопросы конституционной реформы в стране во второй половине 1930-х гг. и ее связь с массовыми репрессиями. По мнению Ю.Н. Жукова, И.В. Сталину при подготовке

¹ Крассильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009.

² Конквест Р. Большой террор. В 2-х т.: Пер. с англ. Рига, 1991; Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. М., 1991.

³ Цит. по: М. Юнге, Р. Биннер. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 215.

⁴ Юнге М., Р. Биннер. Как террор стал «большим». М., 2003. С.10.

⁵ Юнге М. Бордогов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 403-404.

⁶ Медведев Р.А. О Сталине и «сталинизме». М., 1990; Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

конституционной реформы необходимо было, прежде всего, изменить массовую базу избирателей¹.

Вышедшая в рамках реализации совместного российско-украинско-немецкого научного проекта коллективная монография посвящена истории репрессивной операции по приказу НКВД СССР № 00447 от 31 июля 1937 г.² В центре исследования находятся вопросы механизма реализации приказа в ряде регионов бывшего СССР – лимиты и их корректировка, работа троек и их отчетность, выбор жертв, особенности проведения «кулацкой» операции в различных регионах, в том числе и Алтайском крае.

Историография политических репрессий на материалах Западной Сибири включает ряд исследований, как обобщающего характера, так и посвященных отдельным проблемам. Целый ряд работ сибирского исследователя В.И. Шишкина посвящен истории повстанческого движения в Сибири в начале 1920-х гг., который подчеркивает сложность и многообразие социального состава участников этого движения, характеризует репрессивные меры, принимавшиеся для подавления антикоммунистических восстаний³.

Среди исследований по истории массовых репрессий в Западной Сибири в 1920–1950-х годах следует выделить работы таких современных авторов как С.А. Папков, Л.И. Гвоздкова, В.Н. Уйманов, В.А. Демешкин, А.Н. Тепляков, А.И. Савин, Ж.А. Рожнева, В.М. Самосудов и др. С.А. Папков рассматривает «Большой террор» 1937–1938 гг. как попытку резко изменить социальную структуру общества и таким образом завершить цикл начатых в конце 1920-х – начале 1930-х гг. глобальных преобразований.⁴ Роль органов ОГПУ в проведении политики коллективизации и раскулачивания в Сибири, формирование «спецконтингента» комендатур НКВД в Западной Сибири рассматривается в работах томского историка В.А. Демешкина⁵. Деятельность органов ОГПУ–НКВД по организации репрессивных акций в западно-сибирском регионе нашла отражение также в недавно вышедшей мо-

¹ Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1; он же: Иной Сталин. М., 2005.

² Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447/ Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.

³ Шишкин В.И. Партизанско-повстанческое движение в Сибири в начале 1920-х гг. Красноярск, 1999; он же: Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. Новосибирск, 1997.

⁴ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири (1928–1941). Новосибирск, 1997.

⁵ Демешкин В.А. ОГПУ и коллективизация в Сибири // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993; он же: Из истории формирования «спецконтингента» комендатур НКВД–МВД Нарыма // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996.

нографии А. Теплякова¹. Проведение репрессивных акций в сталинских лагерях в Кузбассе исследуется в работах Л.И. Гвоздковой². В центре исследования Ж.А. Рожневой находятся политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-х гг. и связанная с ними деятельность судебных органов³.

Историография по теме политических репрессий в отношении контрреволюционных преступлений на материалах Алтайского края на сегодняшний день включает сравнительно небольшое количество публикаций преимущественно публицистического характера⁴. Обобщающий характер носят книги «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае»⁵ и «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965»⁶.

Таким образом, проведенные отечественными и зарубежными историками исследования дают представление об общих аспектах репрессивной политики советского государства в 1920–1930-е гг., ее особенностях и направленности в отдельные периоды. Вместе с тем все еще остается недостаточно изученным вопрос о составе (персональном, социальном, национальном, партийном, половозрастном и т.д.) жертв репрессий. Анализ такого рода информации позволит конкретизировать представление о механизме отбора жертв террора, его социальной и политической направленности, а, значит, даст возможность углубить понимание причин массовых репрессий 1920–1930-х гг.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе историко-статистического анализа изменений в социальном, национальном, партийном, возрастном составе осужденных по политическим мотивам проследить динамику репрессий, изменение приоритетов и направленности репрессивной политики государства на протяжении 1920–1930-е гг., выявить региональные особенности в ее проведении.

Исходя из поставленной цели, определены следующие **задачи**:

анализ изменений в законодательно-нормативной базе репрессий в исследуемый период, а также в деятельности органов госбезопасности по организации репрессивных кампаний;

¹ Тепляков А. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.

² Гвоздкова Л.И. История репрессий в сталинских лагерях в Кузбассе (30–50-е гг.). Кемерово, 1997.

³ Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. Томск, 2008.

⁴ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995; он же: Дважды убитые. Барнаул, 1999; он же: За чистую советскую власть. Барнаул, 2001; он же: Невинно убитые. Барнаул, 2004.

⁵ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Т. 1–7. Барнаул, 1998–2005.

⁶ Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 2005.

исследование причин, целей и направленности репрессивной политики советского государства в 1920–1930-е гг. на основании анализа изменений в социальном, возрастном, национальном, партийном положении репрессированных;

определение групп и категорий репрессированных в 1919–1927 гг.; изучение практики применения 58 ст. УК в проведении политики «ликвидации кулачества как класса» на Алтае в 1929–1933 гг.;

выявление особенностей проведения массовых репрессивных кампаний периода «большого террора» 1937–1938 гг. на Алтае («кулацкой» операции по приказу НКВД № 00447, «национальных» операций);

характеристика наиболее крупных на Алтае дел по контрреволюционным преступлениям в 1920–1930-е гг.;

выявление региональных особенностей репрессивной политики, проводившейся на Алтае в 1920–1930-е гг.

Объектом исследования является репрессивная политика советского государства, проводившаяся на региональном уровне в 1919–1938 гг. При этом в работе рассматриваются репрессии в отношении лишь тех категорий осужденных, преступления которых определялись уголовным законодательством СССР 1920–1930-х гг. как политические и квалифицировались ст. 58 УК РСФСР (редакции 1926 г.).

Предметом исследования стал социальный, национальный, партийный, половозрастной состав осужденных на Алтае по политическим мотивам в 1920–1930-е гг., механизм отбора жертв репрессий.

Территориальные границы диссертации охватывают Алтайскую губернию (1920–1925 гг.); Барнаульский, Бийский, Каменский, Рубцовский и Славгородский округа Сибирского края (1925–1930 гг.); районы, входившие в ведение тех же оперативных секторов ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю (1930–1937 гг.); Алтайский край (1937–1938 гг.).

Хронологические рамки охватывают период с декабря 1919 г. до ноября 1938 г. Нижняя временная граница исследования обусловлена созданием и началом деятельности Алтайской губчека. Верхняя граница определяется завершением массовых репрессивных акций периода «большого террора» с выходом совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

Основной **теоретической** базой исследования является теория тоталитаризма. При этом тоталитаризм рассматривается как особый социально-экономический строй, своего рода формация, при тоталитарном политическом режиме, а насилие - как неотъемлемое от режима средство подавления внутренних конфликтов, подчиняющееся самой жесткой централизации и подлежащее контролю со стороны центра. Насилие, являясь инструментом террора, определяется историческим и культурным контекстом, является неотъемлемой частью правовой системы СССР и служит инструментом дисциплинирования общества

ради формирования «нового человека», гармонично вписывающегося в новые производственные отношения.

Определенное влияние на формирование авторской концепции оказала также теория модернизации, в рамках которой репрессии выступают как один из инструментов социальной и экономической модернизации. Нельзя также не согласиться с утверждением «социальных» историков о том, что сталинизм был невозможен без поддержки «снизу», со стороны социальных слоев и групп, заинтересованных в системе. Несомненно, что население являлось не только объектом, но и активным субъектом политики правящего режима, в том числе ее репрессивной составляющей.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные принципы объективности, историзма и системного подхода. Следуя базовому принципу историзма, анализ состава осужденных проводится в контексте конкретно-исторических событий в стране и регионе в изучаемый период с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности. В рамках системного подхода выбор жертв террора исследуется в общем контексте репрессивной политики государства и конкретных карательных акций. Системный подход позволяет рассматривать явления и процессы дифференцированно и в тоже время как целостную систему с соответствующей структурой, совокупностью элементов и типов их взаимодействия.

Характер задач, поставленных в диссертационной работе, вызвал необходимость применения следующих методов исследования: периодизации, историко-сравнительного, статистического анализа. Использование диахронного метода (периодизации) позволило определить основные этапы в проведении репрессивной политики, выявить изменения в ее социально-политической направленности и приоритетах, имевшие место на протяжении исследуемого периода. Историко-сравнительный метод используется для сопоставления проведения репрессивных кампаний в Алтайском крае и других регионах с целью выявления их региональной специфики. Статистические методы использовались при обработке информации, содержащейся в базе данных.

Источниковая база исследования включает неопубликованные и опубликованные источники, а также электронные базы данных. К числу неопубликованных источников относятся документальные материалы 15 фондов региональных архивов (в том числе более 1,8 тыс. судебно-следственных дел) и базы данных. Опубликованные источники представлены изданиями законодательно-нормативных актов 1920–1930-х гг., сборниками документов и книгой памяти «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае».

Среди использованных в работе источников можно выделить несколько групп:

Законодательно-нормативные акты, к которым относятся, прежде всего, различные законы, положения и постановления партии и правительства, определяющие репрессивную политику государства, уголов-

ный и уголовно-процессуальный кодексы, оперативные приказы ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР.

Делопроизводственные материалы местных органов власти и управления, прежде всего, Алтайского губревкома, Алтайского губревтрибунала, Алтайского губисполкома, Алтайского губкома РКП(б), а также Сибирского ревкома, Сиббюро ЦК РКП(б), Сибкрайкома ВКП(б), Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и Западно-Сибирского крайисполкома. В первую очередь это распорядительная документация, информационно-справочные документы, отчеты, сводки, переписка и т.д.

Материалы книги памяти «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» (тома 1-7), содержащей списки жителей Алтайского края, осужденных в 1919-1965 гг. за совершение контрреволюционных преступлений и впоследствии реабилитированных.

Материалы CD-диска «Сталинские расстрельные списки», который содержит электронные версии 383 «Списков лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР», осужденных в 1936-1938 гг. к различным мерам наказания.

Судебно-следственные дела – комплексный источник, содержащий многочисленные типы документов, состав и форма которых менялись с развитием репрессивных органов. В числе следственных документов особый интерес (применительно к настоящему исследованию) представляют документы, содержащие биографические данные обвиняемых и характеризующие их социальное и политическое прошлое.

Протоколы заседаний тройки при УНКВД по Алтайскому краю дают возможность проследить механизм назначения мер наказания, влияние тех или иных факторов при вынесении приговоров.

Протоколы заседаний Комиссии НКВД и Прокурора СССР позволяют проследить, как разворачивались и проводились «национальные» операции и выявить отличия и особенности в реализации той или иной «национальной операции» в Алтайском крае.

База данных ОСД УАДАК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», содержащая сведения о более 46 тыс. репрессированных в 1919-1965 гг. жителях Алтая, основанная на материалах судебно-следственных дел. Наряду с несомненными достоинствами (прежде всего, полнотой охвата репрессированных), указанная база данных имеет ряд недостатков, а именно: не содержит сведений о социальном происхождении обвиняемых, уровню образования, партийной принадлежности, лишении избирательных прав, судимостях и политическом прошлом.

База данных «Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК» была создана автором в ходе настоящего исследования. В базу данных вошли сведения обо всех осужденных в крае в период с 1919 по 1927 гг. (всего 1116 человек). За периоды 1928–1933 гг. и 1937–1938 гг. была осуществлена 5-ти процентная выборка данных на репрессированных по БД ОСД «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)» (2070 человек). Необходимая для внесения в базу данных информация об осужденных, попавших в выборку, была по-

черпнута из материалов судебно-следственных дел, протоколов троек и пр.

Использование в диссертации разнообразных исторических источников, а также имеющейся литературы по теме позволило, несмотря на отмеченные трудности, решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые проведен историко-статистический анализ состава осужденных в Алтайском крае в 1919–1938 гг. за совершение разного рода «контрреволюционных» преступлений, который позволил на материалах отдельного региона определить изменение приоритетов репрессивной политики, проводившейся в 1920–1930-е гг. Предпринятое исследование состава осужденных позволило конкретизировать представление о причинах и целях репрессивной политики, ее социально-политической направленности в целом и на региональном уровне. Многие документальные источники, использованные в диссертации, впервые введены в научный оборот.

Научно-практическая значимость работы определяется как актуальностью цели и решаемых задач, так и полученными новыми результатами по проблеме политических репрессий в Алтайском крае. Результаты исследования могут быть использованы для сравнительно-исторических исследований репрессивной политики в различных регионах страны, при подготовке учебных курсов по отечественной истории, истории Алтайского края, а также для разработки спецкурсов по истории репрессивной политики советского государства в 1920–1930-е гг. Материалы диссертационной работы могут также использоваться в краеведческой и музейной работе.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены в докладах и сообщениях на международной научно-практической конференции «Сохранение и воспроизводство культурного наследия народов Сибири» (Барнаул, 2002), международной научной конференции «Сталинизм в советской провинции 1937-1938. Массовая операция на основе приказа № 00447» (Москва, 2006), всероссийском научном семинаре «Устная история: теория и практика» (Барнаул, 2006), краевой историко-архивной конференции «Шестые Гуляевские чтения» (Барнаул, 2006), международной научной конференции «История сталинизма: репрессированная российская провинция» (Смоленск, 2009). Диссертация обсуждалась на заседании кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, выявлена степень ее изученности, определены цели и задачи, методологическая основа исследования, обозначены хронологические и территориальные рамки работы, дана характеристика источниковой базы.

В первой главе – «Политические репрессии на Алтае в 1919-1927 гг.» – исследуется история репрессий в первые годы после установления советской власти на Алтае: причины, цели и направленность репрессий, состав осужденных по политическим преступлениям, анализируются крупнейшие дела по контрреволюционным преступлениям.

В первом разделе – «Законодательно-нормативная база репрессий и деятельность органов безопасности Алтая в 1919-1927 гг.» – исследуются вопросы становления и развития репрессивного законодательства в стране, создания и деятельности органов государственной безопасности Алтая.

Кодификация советского права началась в конце 1918 г. в условиях иностранной интервенции и гражданской войны, что обусловило репрессивный характер многих законоположений. В этот период советским правительством был принят целый ряд законодательных и нормативных актов по борьбе с контрреволюцией. В декабре 1919 г. ВЦИК были приняты «руководящие начала по уголовному праву РСФСР».

Алтайская губернская чрезвычайная комиссия, образованная постановлением Алтайского губбюро РКП(б) 26 декабря 1919 г., начала свою работу в сложных условиях – продолжалась гражданская война, в ответ на политику «военного коммунизма» периодически вспыхивали крестьянские волнения и мятежи. Летом 1920 г. для более оперативного рассмотрения дел были созданы чрезвычайные комиссии в уездах: Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Славгородском, Каменском и Улалинском. Основными задачами, стоящими перед губчека в 1920-1921 гг., являлись подавление крестьянских выступлений и мятежей, борьба с остатками повстанческих отрядов – «банд» Ф.Д. Плотникова, И.П. Новоселова, Д.Я. Шишкина. Зимой 1920–1921 г. центр тяжести борьбы с контрреволюционными выступлениями переместился на территорию Горного Алтая, где действовали отряды А.П. Кайгородова, Л. Колесникова и др.

К концу 1921 г. местные органы государственной безопасности состояли из губернских и транспортных ЧК, особых отделов фронтов и армий. Губчека являлись отделами губернских исполнительных комитетов – органов местных Советов. Уездные Политбюро, введенные вместо уездных ЧК, были упразднены 17 января 1922 г.

После окончания гражданской войны страна постепенно начала переходить от экстремальных условий к обычной мирной жизни. Эти новые условия требовали новых подходов к вопросам следствия и суда, в том числе по разному роду контрреволюционным преступлениям. Наступает второй этап кодификации советского права: создаются Гражданский, Земельный и Уголовный кодексы РСФСР. Однако уголовное и иные виды законодательства сохранили целенаправленный классовый характер. В Уголовном кодексе, принятом в 1922 г., давалось определение контрреволюционным преступлениям (ст. 57), содержалось их перечисление и определялись меры наказания (ст. 58-73).

6 февраля 1922 г. ВЦИК утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии», в соответствии с которым было создано Государственное политическое управление (ГПУ). Местные

органы ГПУ состояли из областных и губернских отделов и аппаратов уездных уполномоченных. В феврале 1922 г. был образован Алтайский губернский отдел Государственного политического управления (ГПУ), с ноября 1923 г. — Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). В мае 1925 г. в ходе проведения в стране административной реформы и в связи с созданием Сибирского края были образованы окружные отделы Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибирскому краю: Барнаульский, Бийский, Каменский, Рубцовский и Славгородский.

В новом Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926 г., против врагов советской власти был направлен целый ряд статей и, в первую очередь, знаменитая 58-я статья с 18 подпунктами.

Во втором разделе — «Анализ состава осужденных в 1919–1927 гг.» — на основе БД «Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК» приведен анализ характера предъявленных обвинений и состава осужденных в исследуемый период.

Анализ следственных дел показывает, что выбор жертв репрессий в 1919–1927 гг. был обусловлен главным образом инерцией вооруженного противостояния периода гражданской войны и противоречиями, порождаемыми политикой военного коммунизма. Это проявилось в том, что почти половину осужденных (45,2 %) составили участники крестьянских антикоммунистических восстаний периода военного коммунизма. Сюда же следует отнести и такую категорию репрессированных, как члены «банд» (6 %), которые в большинстве состояли из уцелевших и бежавших в леса участников крестьянских восстаний (незначительную их часть составляли также остатки белых формирований).

Вторую значительную часть осужденных — 16,5 % — составили военнослужащие белой армии, среди которых к ВМН приговаривались, прежде всего, служащие колчаковской милиции и контрразведки (55,6 %) и те, кто служил в карательных подразделениях (53,4 %). Еще 10,6 % осужденных в исследуемый период составили члены разного рода «контрреволюционных организаций» (белогвардейской, эсеровской, монархической).

В целом в данный период решающим фактором, влияющим на выносимую меру наказания и тяжесть приговора, был характер содеянного преступления: служба в белой армии — добровольная или по мобилизации, участие в боях против частей Красной Армии, роль в контрреволюционной группе или организации (руководство или участие) и т.д. Социальное происхождение и положение, партийность, национальность и возраст арестованных в целом еще не имели решающего значения, хотя в тех или иных случаях могли влиять на приговор в сторону его смягчения или ужесточения. Исключение составляют выходцы из среды священнослужителей, расстрельные приговоры в отношении которых составили 42,3 %.

В третьем разделе — «Крупнейшие на Алтае дела по контрреволюционным преступлениям в 1919–1927 гг.» — дается характеристика крупнейших дел по контрреволюционным преступлениям в указанный период.

Крестьянские восстания начала 1920-х годов жестоко подавлялись силами частей Красной Армии, многие участники были уничтожены во время боев, большая их часть были осуждены военно-революционными трибуналами. Поэтому следственных дел на участников восстаний в фонде Алтайской губчека отложилось немного.

Первым стало восстание в Причумышье весной 1920 г., которое возглавили бывшие партизанские вожди Г.Ф. Рогов и И.П. Новоселов. Участниками восстания были многие бывшие партизаны, ранее сражавшиеся против Колчака, что отмечалось практически во всех донесениях и информациях губчека и командования отрядов Красной Армии, участвовавших в подавлении восстания. Приговоры Коллегии Алтайской губчека арестованным участникам «роговского» восстания были сравнительно мягкими: к ВМН были приговорены 3,8 % обвиняемых, к лишению свободы – 69 %, дела в отношении 23 % были прекращены и обвиняемые освобождены, как «вовлеченные в банду случайно под угрозой убийства».

Восстание в ряде волостей Степного Алтая летом 1920 г. сильно напугало власти лучшей организованностью и массовостью. В восстании приняли участие самые широкие слои населения: крестьяне, бывшие партизаны, казаки. Приговоры Коллегии Алтайской губЧК в отношении участников этого восстания были весьма суровыми: к расстрелу были приговорены 90 % обвиняемых.

Последним в исследуемый период стало Сорокинское восстание зимой 1921 г., в котором также приняли участие самые широкие слои населения – крестьяне, служащие, рабочие и красноармейцы. Следствие по делу арестованных участников этого восстания велось губчека, как дело «противосоветской организации Крестьянский Союз». При этом участие в самом восстании удалось доказать далеко не всем обвиняемым и приговоры, вынесенные Коллегией губчека по делу, были гораздо мягче: к ВМН были осуждены 14,3 %, к лишению свободы – чуть более 66 %, 19,6 % обвиняемых были освобождены.

Крестьянские антикоммунистические восстания 1920-1921 гг. рассматривались властями как серьезная угроза существующему строю, а их участники в последующем составили одну из основных «групп риска» массовых репрессивных кампаний.

Во второй главе «Применение ст. 58 УК в репрессивной политике периода коллективизации и «раскулачивания» (1928-1933 гг.)» – исследуется репрессивная политика, связанная с проведением массовой коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания на Алтае, анализируется характер обвинений и состав осужденных по 58 ст. УК, характеризуются наиболее крупные политические дела этого периода.

В первом разделе «Совершенствование структуры органов госбезопасности и дальнейшее развитие законодательно-нормативной базы репрессий» – рассматривается структура и деятельность

центральных и местных органов ГПУ-ОГПУ, исследуется дальнейшее развитие законодательной базы репрессивной политики государства.

В конце 1920-начале 1930-х гг. коренных изменений в структуре ОГПУ при СНК СССР и его региональных полномочных представительств не произошло. Изменения коснулись лишь отдельных подразделений. В связи с разделением Сибирского края приказом ОГПУ от 11 августа 1930 г. №257/122 ПП ОГПУ Сибирского края было переименовано в ПП ОГПУ Западно-Сибирского края (ЗСК с центром в Новосибирске).

Курс на сплошную коллективизацию и постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» поставили перед органами ОГПУ задачу «ликвидации кулачества как класса». На основании постановления был издан приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. «О проведении ликвидации кулачества как класса». Для рассмотрения дел во внесудебном порядке при всех Полномочных представительствах ОГПУ на местах были созданы «тройки» с правом применения смертной казни. В Сибирском крае такая тройка уже существовала в составе секретаря крайкома Р.И. Эйхе, полномочного представителя ОГПУ Л.М. Заковского и красного прокурора Бурмистрова. В 1930–1933 гг. Особой тройкой были осуждены 8655 жителей тех районов, которые позже вошли в состав Алтайского края.

Политика «великого перелома» привела к превращению в «уголовников» сотен тысяч крестьян, против которых обернулась большая часть УК 1926 г. Помимо ст. 58, направленной против прямых «контрреволюционеров», в условиях массового раскулачивания и ответного сопротивления крестьян активно применялась ст. 59-2 («массовые беспорядки... сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей») и ст. 59-3 («организация вооруженных банд и участие в них»). Кроме того, в конце 1920-х годов против крестьян активно использовались статьи 60, 61 и 62 УК, которые позволяли лишать «кулаков» свободы с конфискацией имущества за отказ от выполнения государственных повинностей. 7 августа 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», также активно используемое властями в репрессивной политике против крестьян.

Во втором разделе «Состав жертв политических репрессий в 1928–1933 гг.» – на основе БД анализируется состав осужденных на Алтае по политическим статьям в рамках репрессивной политики периода коллективизации и раскулачивания.

Всего в 1928–1933 гг. в районах Сибирского (Западно-Сибирского) края, позже вошедших в состав Алтайского края, по ст. 58 УК было осуждено 11127 человек. Почти 59 % осужденных составили участники разного рода повстанческих организаций и группировок (кулацких, белогвардейских, к.р. «заговора в сельском хозяйстве»). Еще 30 % обвинений в указанный период были связаны с проведением антисоветской агитации (чаще всего – против колхозов и политики партии в деревне). Доминирующая «антикулацкая» составляющая репрессий в

1928–1933 гг. предопределила главный и решающий фактор при вынесении приговоров, а именно – социальное происхождение обвиняемого: почти 90 % осужденных составили выходцы из крестьянской среды. При этом если в среднем расстрельные приговоры в 1928–1933 гг. составляли 17,4 %, то в отношении выходцев из «кулаков» – 22,1 %. Врагами, «страшнее» кулаков, для властей и ОГПУ были только выходцы из среды церковнослужителей, расстрельные приговоры среди которых составили 28,6 %. Большая часть выходцев из дворян были осуждены в 1933 г., когда в рамках кампании борьбы с вредительством и саботажем разворачивались репрессии в отношении «остатков и пережитков отживающих классов», т.е. «бывших людей» – дворян, частных промышленников и торговцев, кулаков и подкулачников, бывших белых офицеров, «буржуазных интеллигентов». Развернутая в 1933 г. борьба с вредительством привела к «вскрытию» в Западной Сибири крупнейшего «контрреволюционного заговора в сельском хозяйстве», расстрельные приговоры среди участников которого составили 46 %.

Помимо социального происхождения большую роль при определении степени вины обвиняемых и вынесении приговоров, играло их политическое прошлое, прежде всего, участие в крестьянских выступлениях и «бандах» в начале 1920-х годов. Расстрельные приговоры среди данной категории осужденных составили 57,1 %.

В 1928–1933 гг. членам оппозиционных партий, многие из которых в это время уже находились в ссылке, выносились сравнительно мягкие приговоры. Власти предпочитали держать их подальше от центра, не прибегая к более суровым карательным мерам.

Определенное значение в исследуемый период начинает играть и возраст обвиняемых, что представляется вполне закономерным, поскольку лагеря Гулага нуждались, прежде всего, в молодых и трудоспособных работниках. Удельный вес расстрельных приговоров, вынесенных в отношении лиц старше 70 лет, был выше среднего показателя – 33,3 %.

В третьем разделе «Характеристика наиболее крупных дел по политическим преступлениям в 1928–1933 гг.» – рассматриваются наиболее крупные политические дела на Алтае этого периода.

Наиболее крупным и значимым в Западной Сибири весной 1930 г. стало крестьянское восстание в Усть-Пристанском районе, которое возглавил районный уполномоченный ОГПУ Ф.Г. Добытин. Восстание началось в Усть-Пристане 10 марта. В обвинительном заключении указывается, что в нем приняли участие более 300 человек. Уже 11 марта отрядами коммунистов и милиции восставшие были вытеснены из Усть-Пристаны, а через несколько дней были полностью разбиты. По делу было осуждено 163 человека, в том числе к ВМН – 44,6 %. Согласно следственным материалам более 80 % участников составили «кулаки» и «подкулачники».

Призывы Сталина на пленуме ЦК в январе 1933 г. к усилению бдительности в борьбе с остатками классовых врагов были энергично подхвачены на местах. Дело «мощной контрреволюционной повстанче-

ской организации», «вскрытой» ШП ОГПУ по Запсибкраю в начале 1933 г., стало первым в этом ряду. Организация, по версии следствия, формировалась по «трем основным линиям и объединяла: белогвардейскую, партизанскую и церковно-монархическую». Анализ состава осужденных показал, что бывшие военнослужащие белой армии составили 18,2 % от числа осужденных, бывшие красные партизаны – 12,1 %. Социальный состав осужденных был следующим: крестьяне-единоличники – 33,3 %, члены колхозов – 27,3 %, священнослужители – 15,2 %, служащие различных учреждений – 12,1 % и рабочие – 9,1 %.

Параллельно с делом этой «повстанческой организации» западно-сибирскими чекистами велось «расследование» по делу «контрреволюционного заговора в сельском хозяйстве», которое стало одним из крупнейших по размаху и числу жертв в истории органов безопасности Сибири. Первые аресты начались в январе 1933 г., когда по всей Западной Сибири были арестованы сотни «заговорщиков». Согласно материалам следствия, заговор «возглавлялся краевым центром, являвшимся филиалом контрреволюционного центра в сельском хозяйстве союза». Основной задачей заговор ставил «вооруженное восстание, намечавшееся на весну 1933 года», для чего была организована широкая сеть низовых повстанческих ячеек. Среди осужденных по делу бывшие белогвардейцы составили 20,6 %, «кулаки» – 9,5 %, бывшие «бандиты» – 3,2 %. Более 55 % составляли рядовые колхозники и рабочие МТС, более 25 % – руководители колхозов, совхозов и МТС, служащие райзо, агрономы и зоотехники.

Дела «повстанческой организации» и «к.р. заговора в сельском хозяйстве» выполняли, по версии ОГПУ, одну задачу – уничтожение в Сибири «остатков враждебных классов», ведущих «вредительско-диверсионную работу». По сути же на происки и к.р. деятельность этих «вредителей» и «диверсантов», пришедших на смену «уничтоженному кулачеству», списывались многочисленные хозяйственные промахи, разруха в стране, нищие, голодные колхозы и обрушившийся на страну в 1932–1933 гг. голод.

В третьей главе «Большой террор» 1937–1938 гг.» - исследуются политические репрессии в период «большого» террора, основу которых составили две репрессивных кампании – «кулацкая» операция по приказу НКВД № 00447 и «национальные операции».

В первом разделе «Дальнейшее развитие репрессивного законодательства. Реорганизация органов госбезопасности» – рассматриваются основные законодательно-нормативные акты этого периода, определявшие направленность репрессивной политики, дальнейшая перестройка органов государственной безопасности.

Законодательно-нормативную базу, регулировавшую репрессивную политику государства во второй половине 1930-х гг., составляли постановления ЦИК СССР, ВЦИК РСФСР, ЦК ВКП(б), ведомственные директивы НКВД, Верховного суда СССР и РСФСР, Прокуратуры СССР и наркомюста.

В первой половине 1930-х гг. было проведено дальнейшее совершенствование структуры органов госбезопасности страны. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1934 г. Сталин внес вопрос об

организации союзного Наркомата внутренних дел с включением в него реорганизованного ОГПУ. Решение об образовании Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) в составе НКВД было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 10 июля 1934 г. и в тот же день оформлено решением ЦИК. В регионах образовывались краевые и областные управления, включающие ряд окружных отделов. В Западно-Сибирском крае было создано краевое управление НКВД, включавшее 15 оперативных секторов, в том числе Каменский, Бийский, Барнаульский, Рубцовский, Славгородский и Ойрот-Туринский. Аппараты оперсекторов располагались в городах и в 1937–1938 гг. курировали осуществление массовых операций в прилегающих районах (так, Барнаульский оперсектор «обслуживал» 14 районов, Бийский – 18).

Во втором разделе «Кулацкая» операция по приказу НКВД СССР № 00447 – характеризуются целевые группы, подлежащих репрессированию в соответствии с приказом, анализируются основные итоги его реализации в Алтайском крае.

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о начале проведения в стране кампании репрессий против бывших кулаков и уголовников, «высланных в одно время из разных областей в северные и сибирские районы», затем возвратившихся по месту прежнего проживания и ставших «зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений». 16 июля 1937 г. в Москве состоялась конференция НКВД СССР, на которую были вызваны все региональные руководители НКВД РСФСР и Украины. На конференции обсуждались лимиты для республик, краев и областей, были даны инструкции по проведению запланированной операции. 31 июля 1937 г. Политбюро было одобрено план операции и руководителям НКВД республик, краев и областей был направлен оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов».

До образования в сентябре 1937 г. Алтайского края дела по «кулацкой» операции рассматривались тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю, которая была создана постановлением Политбюро ЦК партии еще 28 июня 1937 г. для оперативного рассмотрения дела «вскрытого» в крае «эсеров-ровсовского заговора». В соответствии с приказом № 00447 лимит подлежащих репрессии для Западно-Сибирского края составил 17 тыс. человек, в том числе по первой категории – 5 тыс., по второй – 12 тыс. На долю районов, позднее отошедших к Алтайскому краю пришлось 6431 чел., в том числе по 1-й категории (расстрел) – 1730 (26,9 %), по 2-й (ИТЛ) – 4701 чел. (73,1 %).

Тройка при УНКВД по Алтайскому краю была образована по постановлению Политбюро ВКП(б) от 27 октября 1937 г. в составе: председатель – начальник УНКВД С.П. Попов, члены – прокурор края Н.Я. Поздняков и первый секретарь крайкома партии Л.Н. Гусев. Всего алтайской тройкой в период с 30 октября 1937 г. по 15 марта 1938 г. в рамках «кулацкой» операции было осуждено 14876 человек, в том числе по 1-й кат. – 6766 (45,5 %), по 2-й – 8110 чел. (54,5 %).

В третьем разделе «Статистика осужденных в рамках «кулацкой» операции» в Алтайском крае – анализируется состав осужденных в крае по приказу НКВД № 00447.

Анализ социального состава осужденных по приказу № 00477 показывает, что террор не был слепым, поскольку шел тщательный отбор жертв. В крае операция имела очевидную «кулацкую» направленность: более 80 % осужденных алтайской тройкой в ходе проведения операции были отнесены к лицам, имевшим «кулацкое происхождение». Кроме того, анализ материалов следственных дел показывает, что под эту наиболее массовую из подлежащих репрессии групп, обозначенных в приказе № 00447, подводились репрессированные, оказавшиеся в числе жертв репрессий благодаря не социальному происхождению, а в силу своего социального поведения, демонстрирующего нелояльность советско-колхозному строю и местной партийно-советской и хозяйственной элите (нарушители трудовой дисциплины, лица, критически высказывавшиеся о политике местного и центрального руководства, проявлявшие на бытовом уровне недовольство тяжелыми материальными условиями жизни и пр.)

При вынесении приговоров и определении меры наказания тройкой учитывались также такие факторы как политическое прошлое обвиняемого (служба в белой армии, участие в крестьянских выступлениях, членство в оппозиционных партиях), наличие у него в прошлом судимостей, национальность и возраст. Наиболее суровые приговоры ожидали: членов бывших оппозиционных партий (расстреляны 100 %); имевших «чуждое» социальное происхождение – дворян, священнослужителей (в среднем расстреляны 96 %); представителей нетитульных для России национальностей или «инонационалов» (в среднем расстреляны более 82 %); ранее судимых за «контрреволюционные» преступления (расстреляны более 73 %); бывших участников крестьянских выступлений, карателей и военнослужащих белой армии (расстреляны около 70 %), лиц в возрасте старше 70 лет (расстреляны 75 %).

В целом в процессе проведения репрессивной операции алтайские чекисты следовали указаниям Москвы и приказу НКВД. К особенностям проведения операции по приказу № 00447 в Алтайском крае следует отнести проведение ее параллельно с другой крупной операцией, а именно по делу контрреволюционной эсеровско-монархической организации «РОВС». Кроме того, «кулацкая» операция в крае в ходе ее проведения все больше становилась борьбой с «вредительством»: если в начале операции эти обвинения составляли менее 40 %, то к ее окончанию – более 78 %.

В четвертом разделе «Организация «национальных операций» НКВД в Алтайском крае 1937-1938 гг.» – исследуются основные целевые группы «национальных операций» (немецкой, польской, харьбинской), итоги их реализации в крае.

«Национальные операции» в стране начались с выходом 25 июля 1937 г. оперативного приказа НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных». Первоначально приказ предусматривал репрессирование только «германских подданных», но с осени 1937 г. операция была распространена и на другие категории

советских немцев, обвиняемых в связях с Германией и шпионаже в ее пользу.

11 августа 1937 г. появляется оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ». Аресту и осуждению подлежали, прежде всего, представители польской диаспоры, работавшие в военно-стратегических отраслях (транспорт, связь, оборонная промышленность, армии и т.п.), во вторую очередь – все остальные лица, работавшие в совхозах, колхозах и учреждениях.

В связи с продажей КВЖД в Советский Союз вернулось несколько десятков тысяч советских граждан, ранее работавших на этой железной дороге. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы» и подлежала репрессированию в соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых «харбинцев»». В соответствии с приказом репрессированию подлежали «бывшие служащие Китайско-Восточной ж.д. и резмигранты из Манчжоу-го, осевшие на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза».

Для упрощения и ускорения принятия решений в отношении лиц, осуждаемых в рамках «национальных операций», был создан особый внесудебный орган – Комиссия Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР или «двойка». Состав Комиссии был утвержден оперативным приказом НКВД СССР № 00485, который закреплял также «альбомный порядок» рассмотрения и оформления дел на лиц, осуждаемых в рамках «национальных операций». «Двойка» работала до начала сентября 1938 г. Затем приказом НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г. рассмотрение дел на арестованных в рамках «национальных операций» было возложено на специально создаваемые Особые тройки при УНКВД, деятельность которых была приостановлена 15 ноября 1938 г.

В пятом разделе «Статистика жертв «национальных» операций в Алтайском крае» – на основе БД анализируется состав осужденных по «национальным операциям», характеризуются особенности их реализации в крае.

Задача ликвидации «шпионско-диверсионной базы» стран «капиталистического окружения», поставленная центром, в крае была выполнена, с предприятий и колхозов в ходе проведения операций были вычищены несколько тысяч иностранных «шпионов» и «диверсантов». Всего в Алтайском крае в период с 16 ноября 1937 г. по 5 сентября 1938 г. Комиссией НКВД и Прокурора СССР и тройкой по «национальным операциям» было привлечено 6241 человек (осуждены к ВМН – 74,3 %), в том числе: по «немецкой операции» – 51,9 %, «польской» – 24,7 %, «харбинской» – 14,2 %.

Факторы, влияющие на выбор жертв в ходе проведения той или иной «национальной операции», заданные изначально приказами из центра, подгонялись под местные особенности. Для всех операций основным фактором была, прежде всего, национальная принадлежность обвиняемого к целевым группам, определяемым тем или иным прика-

зом. Среди осужденных в Алтайском крае в рамках «национальных операций» представители нетитульных для России национальностей (немцы, поляки, корейцы, венгры и др.) составили 74,1 %. Вторым важнейшим фактором был «производственный», т.е. служба или работа «инонационала» в отраслях, подлежащих «чистке». В крае были осуждены: члены колхозов (рабочие совхозов) – 48,1 %, рабочие промышленных и транспортных предприятий – 17,7 %, служащие различных государственных учреждений – 10,8 %.

В целом при реализации приказов по «национальным операциям» краевое управление НКВД придерживалось указаний центра: в арестах основных целевых групп, во «вскрытии» шпионов и диверсантов именно в тех отраслях, где их было приказано выявлять и «вскрывать», в соблюдении сроков операций и т.д. К особенностям проведения «национальных операций» в крае следует отнести рассмотрение соответствующих дел тройкой УНКВД уже осенью 1937 г., а также приведение в исполнение расстрельных приговоров после 15 ноября 1938 г., т.е. когда это уже было запрещено центром.

В шестом разделе «Осуждение по «сталинским спискам»» – рассматривается порядок формирования и утверждения «сталинских списков», анализируется состав осужденных в крае в 1937-1938 гг. по спискам.

Третьей задачей, которую был призван решить «большой» террор, стала генеральная «чистка» партийно-государственной элиты советского общества, которая начала активно проводиться с первой половины 1937 г. При этом в отношении номенклатурных работников высшим партийным руководством страны была соблюдена некая формальная видимость судебного разбирательства, поскольку их дела рассматривались и приговоры выносились судебным органом – Военной коллегией Верховного суда СССР. Хотя в реальности судьбы этих людей были решены заранее и не судом, а узким кругом высшего партийного руководства, подписавших и тем самым утвердивших специальные списки, имевших официальное название – «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР». Списки представляли собой перечни имен граждан, осужденных по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к различным мерам наказания. На сегодняшний день в Архиве Президента РФ выявлено 383 таких «сталинских списка» за 1936-1938 гг. на 44,5 тысячи имен. По 13-ти спискам за 1937-1938 гг. проходит 318 жителей Алтая, в том числе осужденных: по 1-й категории – 250 (78,6 %), по 2-й – 64 (20,1 %), по 3-й – 4 (1,3 %).

86,1 % осужденных по «сталинским» спискам составили представители краевой номенклатуры – первые руководители или их заместители (директора промышленных предприятий, институтов, школ, совхозов и МТС, банков и приисковых управлений и т.д.), руководители среднего звена и служащие краевых учреждений и ведомств, инженерно-технические работники промышленных и строительных предприятий, партийные и советские работники, а также военнослужащие Красной Армии (командный состав).

Номенклатурная «чистка» коснулась практически всех отраслей народного хозяйства края, откуда были «вычищены», прежде всего, бывшие члены оппозиционных партий, «инонационалы», лица, имевшие «плохое» социальное происхождение, а также большой партийный стаж.

В заключении диссертации подведены основные итоги исследования.

Репрессивная политика в 1920–1930-е гг. использовалась правящим режимом как основной инструмент очищения общества от «социально чуждых элементов» и устранения политических противников большевиков, к которым в разные периоды относились те или иные группы и категории населения. Приоритеты и направленность этой политики обуславливались изменениями в политической обстановке в стране, задачами социально-экономической модернизации, а также международным положением и нарастающей военной угрозой.

Анализ состава осужденных показывает, что на протяжении 1920–1930-х гг. репрессивной политике была присуща преимущественно антикрестьянская составляющая: в 1919–1927 гг. крестьяне составляли 47,2 % от общего числа репрессированных по обвинениям в политических преступлениях на Алтае, в 1928–1933 гг. – 69,7 %, а в 1937–1938 гг. среди осужденных по приказу НКВД № 00447 «крестьяне-кулаки» составили 89,7 % (включая городских жителей, в вину которым вменялось «кулацкое» происхождение).

Изучение репрессивной политики советского государства и анализ состава ее жертв показывает, что репрессии 1928–1933 гг. являлись продолжением репрессивной политики 1919–1927 гг., а «большой» террор 1937–1938 гг. – логическим завершением всех предыдущих репрессивных акций. Идея построения «чистого» общества при помощи искоренения «социально-чуждых» и политически «враждебных» элементов с самого начала являлась отличительной чертой советской власти. Репрессии против социально-чуждых элементов, в той или иной мере, являлись постоянным фактором советской истории 1920–1930-х годов. «Большой» террор отличался от более ранних эпизодов советской истории только масштабами государственного насилия. Эта преемственность проявилась, прежде всего, в выборе жертв и определении целевых групп всех репрессивных кампаний, которыми стали: «бывшие люди», имевшие социально-чуждое происхождение (кулаки, выходцы из дворян и помещиков, священников, торговцев и т.д.); лица, имевшие в биографии те или иные «темные» пятна (служба в белой армии, судимости, участие в антисоветских крестьянских мятежах); а также члены (в том числе бывшие) иных политических партий и представители оппозиции в партии большевиков. В 1919–1933 гг. все подобные факты биографии осужденных, безусловно, учитывались, но далеко не всегда вели к ужесточению приговора, и главным оставался характер содеянного (или инкриминируемого) преступления. В 1937–1938 гг. все эти категории граждан относятся к основным группам риска «большого» террора, поскольку в стране проводится целенаправленная акция по окончательному очищению общества от всех социально-чуждых и социально-враждебных элементов. «Большой» террор,

кроме того, значительно расширил этот список групп риска, прибавив к нему «инонационалов», включение которых диктовалось становящейся все более реальной военной угрозой.

Проведение репрессий на Алтае в 1920–1930-е гг. шло в общегосударственном русле, и местные органы госбезопасности следовали указаниям центра в проведении «чисток» и выборе жертв в соответствии с указаниями центра, а в 1937–1938 гг. – еще и в рамках выделенных лимитов. К особенностям репрессий на Алтае в 1920–1930-е гг. следует отнести, прежде всего, ярко выраженную антикрестьянскую их составляющую, что обуславливалось как общей направленностью репрессивной политики государства в указанный период, так и преобладанием аграрного населения в регионе с преимущественно сельскохозяйственной экономикой.

В целом политические репрессии 1920–1930-х гг. представляли весьма сложное явление, с помощью которых достигалась *стратегическая цель*, связанная с построением бесклассового общества советского образца (социальная инженерия), решались *ситуативные задачи модернизации* (в рамках проведения политики коллективизации и индустриализации), а также *задачи, обусловленные военной угрозой* (ликвидация «пятой колонны»).

Основные положения диссертации отражены в ряде **публикаций**:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

Жданова Г.Д. Документы Архивного фонда Алтайского края как источник для изучения «национальных операций» НКВД СССР (1937-1938 гг.) // Отечественные архивы. - 2009. - № 6. - С. 67-74.

Статьи и тезисы:

1. Жданова Г.Д. Репрессии против работников культуры и искусства Алтая // Ученые записки. Материалы международной научно-практической конференции «Сохранение и воспроизводство культурного наследия народов Сибири». - Барнаул, 2002. - С. 90-94.

2. Жданова Г.Д. Курьинский район в период массовых политических репрессий 1928-1937 годов // Курьинский район на рубеже веков: очерки истории и культуры. – Барнаул, 2003. - С. 91-120.

3. Жданова Г.Д. Зональный район в годы политических репрессий 1938-первой половины 1941 гг. // Зональный район: история, люди, судьбы. - Барнаул, 2003. - С. 359-366.

4. Жданова Г.Д. Суевский район в годы массовых политических репрессий/ Суевский район: страницы истории и современность. – Барнаул, 2004. - С. 160-167.

5. Жданова Г.Д. Аналитические сведения // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965 / под ред. Г.Н. Безрукова. – Барнаул, 2005. - С. 377-384.

6. Жданова Г.Д. Массовые политические репрессии в Кулундинском районе // Кулундинский район: страницы истории и современность. Т. 1. - Барнаул, 2007. - С. 196-202.

7. Жданова Г.Д. «Большой» террор 1937-1938 гг. в Алтайском крае // Алтайский архивист. 2007. № 2 (14). - С. 134-143.

8. Жданова Г.Д., Месензова Т.Ю. История одной фальсификации (политические репрессии в отношении граждан Тогульского района) // Тогул – мой край родной: страницы истории / Под ред. П.Я. Скабелкина. - Барнаул, 2008. - С. 157-167.

9. Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции 1937 – 1938. Массовая операция на основе приказа № 00447/ сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. - М., 2009. - С. 718-745.

10. Жданова Г.Д. История одного «заговора» // Алтайский архивист. - 2009. - № 1 (17). - С. 239-244.